

**М. В. ЛОМОНОСОВ О СООТНОШЕНИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО,
ДРЕВНЕРУССКОГО И „ДРЕВНЕГО СЛАВЯНСКОГО“ ЯЗЫКОВ**
(на материале его записки о А. Л. Шлёцере)

Б. А. УСПЕНСКИЙ

Как известно, с принятием христианства и по крайней мере до XVIII в. функции литературного языка выполнял на Руси церковнославянский язык. Язык этот был усвоен русскими (восточными славянами) от южных славян. Вместе с тем с самого начала он вступает в тесные отношения с разговорным языком восточных славян и достаточно скоро начинает восприниматься как кодифицированная разновидность этого языка (см.: [Успенский, 1983]). В результате адаптации церковнославянского языка на Руси возникает особый русский извод церковнославянского языка. Таким образом, церковнославянский язык, будучи заимствован извне, не воспринимался на Руси как чужой язык. Уже Нестор в начале XII в. разъяснял, что все восточнославянские племена пользуются одним „словенским“ языком и одной „словенской“ же грамотой, подчеркивая таким образом тесную связь древнерусского книжного языка с живой речью восточных славян (см.: [Хабургаев, 1984, с. 12–13]); „словенский“ означает в этом контексте и „церковнославянский“ и „славянский“. В дальнейшем русские книжники регулярно называют церковнославянский язык „русским“ (см.: [Успенский, 1983, с. 65–66]).

Вопрос о происхождении церковнославянского языка приобретает исключительную значимость в XVIII–начале XIX в., в период формирования нового русского литературного языка. В ходе интенсивной языковой полемики определились две точки зрения о соотношении церковнославянского и русского литературного языков. Согласно одной точке зрения, русский литературный язык должен отталкиваться от церковнославянского, согласно другой — максимально из него черпать. Эта полемика начинается в России уже в 30-е гг. XVIII в. и достигает своего зюгея в первой четверти XIX в. — в спорах „архаистов“ (сторонников А. С. Шишкова) и „новаторов“ (приверженцев Н. М. Карамзина) (см.: [Успенский, 1985]). Этим спорам суждено было играть важную роль в эволюции и окончательном формировании нового русского литературного языка. В конце концов победила компромиссная точка зрения (первый опыт такого компромисса был предложен в филологических трудах М. В. Ломоносова). Но сама возможность компромисса определилась в ходе языковой полемики по данному вопросу.

Отношение к церковнославянскому языку в русских спорах о языке XVIII–начала XIX в. в значительной мере определялось трактовкой

его генетической природы. Для А. С. Шишкова, напр., церковнославянский язык — это архаический русский язык и в церковнославянских текстах зафиксировано древнейшее состояние русского языка; отказ от церковнославянского языкового наследия закономерно воспринимается в этой перспективе как отказ от своих же собственных корней, как искусственная ломка самой природы русского языка. Одновременно церковнославянский язык понимается как праязык по отношению ко всем славянским языкам, т. е. церковнославянский осознается как общеславянский или праславянский; отсюда возникает возможность обогащения русской лексики за счет обращения не только к церковнославянскому, но и к живым славянским языкам (см.: [Лотман и Успенский, 1975, с. 212]).

В отличие от А. С. Шишкова, Н. М. Карамзин отказывается считать, что русский язык происходит из церковнославянского. Уже в статье „О русской грамматике француза Модрю“ в 1803 г. Н. М. Карамзин вполне четко противопоставляет язык „наших духовных книг“ „первобытной чистоте древняго славянскаго“, т. е. отличает церковнославянский язык от славянского праязыка. Эту мысль он развивает затем (в 1817 г.) в „Истории Государства Российскаго“.

Аргументация Н. М. Карамзина произвела сильное впечатление на его литературных противников (сторонников А. С. Шишкова), заставив их в конце концов пересмотреть свой взгляд на природу церковнославянского и русского языков и на их соотношение в историческом плане (см.: [Успенский, 1985, с. 37–39]).

Вместе с тем Н. М. Карамзин не был первым, кто сформулировал тезис об отличиях между древнерусским и церковнославянским языками как самостоятельными представителями славянской языковой семьи. Первенство в этом отношении принадлежит М. В. Ломоносову. Действительно, в своем отзыве о плане работ А. Л. Шлёцера, представленном 26 июня 1764 г. в Академическое собрание, М. В. Ломоносов отчетливо противопоставляет церковнославянский (старославянский) язык IX в. и древнерусский язык X–XI вв., рассматривая их как принципиально разные языки. Отзыв М. В. Ломоносова написан по латыни, он дошел до нас как в латинском оригинале (см. издание: [Ламанский, 1865, с. 129–130; Ломоносов, IX, с. 411–413]), так и в современном ему русском переводе, выполненном неизвестным переводчиком Академии наук (см.: [Биллярский, 1865, с. 702–703; Ломоносов, IX, с. 414–416]). Перевод этот, однако, неудачен, он не всегда адекватно передает содержание оригинала, и это заставляет нас обратиться к рассмотрению данного документа.

По словам М. В. Ломоносова, „речь (или: слог) русских летописей отличается от древней моравской < речи >, на которую некогда переведено Священное Писание. Ведь тогда российский < вместо „российский“ в черновике первоначально стояло: „киевский“ > диалект был другой, о чем свидетельствуют древние памятники, сохраненные < в летописи > у Нестора (таковы договоры первых князей России с греческими императорами), законы Нрославы, называемые „Русская Правда“, а также

другие исторические книги. Значительная часть слов, в них употребляемых, не встречается ни в Библии, ни в других богослужебных книгах, которых < книга > много..." („Chronicorum Rossicorum dictio differat ab antiqua Moravica, in quam versa est olim sacra scriptura Rossiacam enim dialectum < в черновике зачеркнуто: Kiowensis enim dialectus > tunc aliam fuisse produunt vetera monumenta, quae extant in Nestore, cujusmodi sunt pactiones primorum Rossiae ducum cum imperatoribus Graecis atque leges Jaroslavae, Правда Русская inscriptae, item reliqui historici codices, in quibus verborum usitatorum magna pars non occurrit in bibliis, neque in aliis libris ritualibus, qui plurimi sunt..." [Ломоносов, IX, с. 412–413]¹. Одновременно Ломоносов упоминает о „древнем славянском языке" (antiqua lingua Slavica), к которому восходит „семья славянских языков" (familia Slavicarum linguarum), и, вместе с тем, говорит о себе как о человеке, „с младенчества впитавшем общую российскую речь и славянскую грамоту < вероятно, имеется в виду церковная азбука >, а в более зрелом возрасте прилежно перечитавшем почти все книги, написанные на древнем славено-моравском языке, употребляемые в богослужении, которые вошли ему в плоть и в кровь < в черновике зачеркнуто: < выписавшем достойное внимание >)" („a primis incunabulis communi Rossiaco sermone et Slavicis litteris imbutum, proveciore autem aetate omnes fere libros antiqua Slaveno-Moravica lingua conscriptos et in cultu divino usitatos diligentissime perlegisse < в черновике зачеркнуто: < notatu digna exscripsisse >>, in succum et sanguinem convertisse" — там же, с. 412)². Ломоносов при этом подчеркивает свое знание польского и других славянских языков, а также „всех провинциальных диалектов здешней империи" („omnes dialectos provinciales hujus Imperii"), рассматривая знакомство с живыми славянскими наречиями как необходимое условие для проникновения в „древний славянский язык" (там же, с. 412)³.

¹Ср. соответствующий текст в русском переводе XVIII в.: „речи в Российских летописях находящиеся разнятся от древняго Моравскаго языка, на которой переведено прежде священное писание. Ибо тогда Российской диалект был другой, как видно из древних речений в Несторе, каковы находятся в договорах первых Российских князей с царями Греческими. Тому же подобны законы Ярославы, Правда Русская называемые; также прочия историческая книги, в которых употребительная речи в Библии и в других церковных книгах, коих премоно, по большей части не находятся..." [Биллярский, 1865, с. 704; Ломоносов, IX, с. 415].

²Ср. соответствующий текст в переводе XVIII в.: „...который с малолетства познавал общей Российской и Славенской языки, а достигши совершенного возраста с прилежанием прочел почти все, древним Славено-Моравским языком сочиненныя и в церкви употребительныя книги" [Биллярский, 1865, с. 703; Ломоносов, IX, с. 415].

³Ср. аналогичное заявление Ломоносова в написанной несколькими месяцами спустя Записке о плане научных занятий А. Л. Шлёцера за границей от 7–12 октября 1764 г., которая обнаруживает вообще текстуальную близость к рассматриваемому документу: „...рассудить можно, сколько мне помогло совершенное знание российского и славенского языка, также и разумение других, им сродных диалектов, сверх того обширное чтение книг наших исторических и от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах [Ломоносов, IX, с. 429]

Поводом для цитированных высказываний послужило мнение Шлѣцера о том, что он (Шлѣцер) может разобраться в древнерусских текстах с помощью церковнославянской Библии. Вместе с тем, то же говорит Ломоносов и раньше в своих возражениях на диссертацию Г. Ф. Миллера (в замечаниях на ответы Миллера 1750 г.): „... Уже с древнейших времен польский отличается как от русского, так и от церковного славянского диалекта. Ведь церковный диалект, который живет в храмах у всех народов славянского племени и греческого вероисповедания, есть собственно древний моравский язык, который у славянских народов никогда не был всеобщим“ (“... Lingua polonica jam ab antiquissimis temporibus ut a Russica, ita quoque a slavica ecclesiastica illa dialecto differt. Ecclesiastica enim dialectus, quæ apud omnes Slavici generis et Græcæ confessionis populos in templis viget, proprie est antiqua Moravia lingua cujus apud Slavicos populos nunquam fuit usus universalis” [Сухомлинов, V, с. 116–117; Ломоносов, VI, с. 50]).

Как видим, в рассматриваемом документе (отзыве о плане работ А. Л. Шлѣцера) Ломоносов фактически отличает „древний славянский язык“, т. е. общеславянский или праславянский, от „древнего славяно-моравского“, под которым понимается язык православного богослужения, т. е. собственно церковнославянский язык в его канонической форме; с „древним славяно-моравским языком“ Ломоносов ассоциирует, видимо, и современные ему богослужебные книги, т. е. это название охватывает весь период функционирования церковнославянского языка с IX по XVIII в.⁴ При этом древнерусский язык не противопоставляется Ломоносовым „древнему славянскому языку“, но рассматривается, так сказать, как определенная его разновидность: отношения „древнего славянского языка“ и древнерусского – это отношение общего и частного (конкретного), рода и вида. Совершенно так же и церковнославянский не противопоставляется „древнему славянскому языку“, и Ломоносов упоминает, напр., о „славянской Библии“ (biblia Slavica), о „славянской речи“ (Slavicae voces) библейских книг, наконец, о „славянской грамоте“ (Slavicae litterae) – всякий раз имея в виду при этом церковнославянскую книжную традицию [Ломоносов, IX, с. 412–413]. Вместе с тем церковнославянский и древнерусский противопоставляются у Ломоносова как два разных языка – по всей видимости, как две разновидности „древнего славянского языка“.

⁴Заметим, что Ломоносов говорит здесь как о „древней моравской“ речи (“antiqua Moravica”), так и о „древнем славяно-моравском языке“ (“antiqua Slavico-Moravica lingua”): на „древний моравский“ было некогда переведено славянскими первоучителями Священное Писание, тогда как „древний славяно-моравский язык“ – это „древний моравский“ в его кодифицированной форме, распространившийся в качестве культурного языка на всю территорию православного славянства. Сходное смысловое различие может выражаться сейчас в противопоставлении терминов „старославянский“ и „древне-славянский“, т. е. термин „древний моравский“ в употреблении Ломоносова может соответствовать термину „старославянский“ в современном употреблении, при том что „древний славяно-моравский“ в ломоносовском понимании определенно соответствует принятому сейчас термину „древне-славянский“.

„Древний славянский язык“ (*antiqua lingua Slavica*) сопоставляется при этом Ломоносовым с „древним тевтонским“ (*antiqua Teutonica*), к которому в равной мере восходят, напр., немецкий и шведский языки. Подобно тому, как знание „древнего тевтонского“ необходимо „для толкования древних германских книг“ (“*in explicandis veteribus Germanicis codicis*”), так и знание „древнего славянского“ — представление о котором можно получить, будучи знакомым с теми языками и диалектами, которые к нему восходят, — необходимо для понимания древней славянской письменности, в частности древнерусских летописей и т. п. [Ломоносов, IX, с. 412]; по-видимому, вся совокупность древних славянских письменных памятников — как церковнославянских (на „древнем славено-моравском языке“), так и древнерусских (на древнем „русском“ языке) — и рассматривается Ломоносовым как письменность на „древнем славянском языке“. Ломоносов подчеркивает в этой связи, что знание „нынешнего германского“ (*hodierna Germanica*), т. е. немецкого языка, не дает решительно никаких преимуществ для понимания „древних германских книг“ (*veteri Germanici codices*) по сравнению с другими германскими языками — такими, напр., как современный шведский (*moderna Suecica*); соответственно современный „германец“ (*Germanus*), т. е. немец, не находится в данном случае в более выгодном положении, нежели швед (*Suecus*) (там же, с. 412). Совершенно так же понимаются и отношения „славянского“, или „славянского“, т. е. церковнославянского языка⁵, к письменности на „древнем славянском языке“: знание „славянского“ (церковнославянского) языка отнюдь не обеспечивает понимания письменности на „древнем славянском языке“ во всей ее совокупности. Как название „германский“, так и название „славянский“ ~ „славянский“ оказывается фактически омонимичным, т. е. может иметь существенно различное содержание; иначе говоря, в обоих случаях имеет место совпадение названий — исторически объяснимое, но лишенное экспликативного значения, — которое и может приводить к недоразумению.

Весьма знаменательна терминология, которой пользуется Ломоносов при обозначении языков. Наименование „славянский язык“ (*lingua Slavica*) выступает у него как производное от этнического термина „славянин“ (*Slavus*). Между тем название „славено-моравский

⁵Формы *славенский* и *славянский* выступают в XVIII и еще в начале XIX в. как варианты формы одного слова. Соответственно, *славянский* может выступать как обозначение церковнославянского языка (см.: [Лотман и Успенский, 1975, с. 211, примеч. 57]). А. Х. Востоков [1820, с. 5 (ср. также с. 33, примеч. 1)] говорит „о языке Славянском, или вернее Словенском“. Митрополит Филарет (Дроздов) всегда писал *славенский* вместо *славянский* Чистович, 1899, с. 23, примеч. 1); между тем Г. П. Павский писал 7 июля 1822 г. В. М. Попову в связи с подготавливаемым изданием Псалтыри: „вместо *славенский* мы говорим и пишем *славянский*, что и напечатано в предисловии и в заглавном листе при Новом Завете. Для соблюдения единства следовало бы и здесь < в Псалтыри > вместо *славенский* исправить *славянский*“ (там же, с. 39).

язык" (Slaveno-Moravica lingua), с одной стороны, соотносится с моравами как разновидностью славянского племени, с другой же стороны — с русским⁶, а не с латинским названием церковнославянского языка. В самом деле прилагательное Slaveno-Moravicus состоит из двух компонентов, причем если последний компонент этого сложного слова (Moravicus) выступает как производное от латинского этнонима Moravus, то первый его компонент (Slaveno-) являет собой точную транслитерацию соответствующей русской формы (славено-), представленной в таких, напр., образованиях, как *славено-росский*, *славено-сербский* и т. п.; сама форма этого сложного слова (Slaveno-Moravicus) очевидным образом отражает именно славянскую, а не латинскую словообразовательную модель⁷. Латинское прилагательное *Slaveno-Moravicus* восходит, таким образом, к русской форме *славено-моравский*, выступая как своеобразная калька с этой формы. Это исходное русское прилагательное (*славено-моравский*) образовано по той же модели, что и *славено-росский*, *славяно-сербский* и т. п., т. е. имеется в виду национальная разновидность книжного (церковнославянского) языка; в случае „славено-моравского языка“, по мысли Ломоносова, эта национальная разновидность, первоначально призванная обслуживать определенную часть славянского племени, принимает со временем межнациональный (межславянский) характер. Итак, „славено-моравский язык“ (Slaveno-Moravica lingua), в отличие от „славянского языка“ (lingua Slavica), не соотносится со славянами как общими этническим термином: компонент „славено-“ (Slaveno-) в этом сложном прилагательном соотносится не со славянами, а с условным обозначением церковнославянского языка, т. е. выступает на правах собственного имени, которое закономерно подлечит именно транслитерации, а не переводу. Таким образом Ломоносов подчеркивает искусственный, книжный характер церковнославянского языка, в противоположность „славянскому“, т. е. общеславянскому языку (lingua Slavica).

Не менее выразительно и прилагательное „российский“ (Rossiacus), выступающее у Ломоносова как наименование русского языка (sermo Rossiacus, dialectos Rossiacae). Показательно, что Ломоносов не вос-

⁶Форма *славенский* свидетельствует, кажется, именно о русском (а не вообще славянском) происхождении: у южных славян эта форма появлялась относительно поздно и, видимо, под русским влиянием, тогда как ранее была принята более старая форма *словенский* (ср.: [Хабургава, 1979, с. 223, примеч. 135]). Относительно истории этой формы на Руси см.: [Успенский, 1983, с. 65, примеч.; с. 90–91, примеч.].

⁷Ср. в этой связи такие выражения, как „gens Slaveno-Russica“ или „lingua Russo-Varagica“ в ломоносовских возражениях на диссертацию Миллера [Сухомлинов, V, примеч., с. 118, 128]. Любопытно отметить, между прочим, что в русской версии этих возражений прилагательному Russo-Varagica соответствует слово *русский*, а не сложное прилагательное типа *руссо-варяжский* или *варяго-русский*, ср.: „Nestor Petscherensis clare indicat, linguam Slavicam et Russo-Varagicam eandem esse“ [Сухомлинов, V, примеч., с. 128] и „Нестор Печерский говорит ясно, что Славенский и Русский язык едины есть“ [Сухомлинов, V, с. 167; Ломоносов, VI, с. 34].

пользовался прилагательным *Rossicus* или *Russicus*, образованным от этнонима *Rossus* = *Russus*, прилагательное *Rossiacus* предстает как производное от имени *Rossia* как названия государства⁹. Таким образом подчеркивается гражданский характер данного наименования, соответствующий функциям русского языка как государственного и литературного языка России.

Как видим, заявление Ломоносова во многом предвосхищает то, о чем полвека спустя говорит Карамзин. Вместе с тем отзыв Ломоносова, написанный в качестве служебного документа и похороненный в архивах академической канцелярии, остался практически неизвестным современникам и не сыграл никакой роли в русских спорах о языке. Естественно, это не лишает его объективной научной ценности.

**M. LOMONOSOV ON THE CORRELATION BETWEEN CHURCH SLAVONIC,
OLD RUSSIAN AND "OLD SLAVONIC" (ON THE MATERIALS OF HIS
NOTE ON SHLIOTSER)**

B. U S P E N S K Y

Summary

In the 18th—19th centuries heated discussions on the origin of Church Slavonic took place in Russia. A. Shishkov thinks Church Slavonic to be archaic Russian while N. Karazin treats Church Slavonic and Old Russian as separate languages belonging to the family of Slavonic languages. It should be noted that it was M. Lomonosov who was the first to oppose clearly and differently Church Slavonic of the 9th century to Old Russian of the 10th—11th centuries. It was done by M. Lomonosov in the review of the plan of Shliotser's works made by him on July 26th 1764 in the Academy of Sciences.

ЛИТЕРАТУРА

Биллярский, 1865 — Б и л я р с к и й П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

Востоков, 1820 — В о с т о к о в А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным источникам // Труды Общества любителей российской словесности. 1820. Ч. 17.

Ламанский, 1865 — Л а м а н с к и й В. И. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. М., 1865.

Ломоносов, I—XI — Л о м о н о с о в М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950—1983. Т. 1—11.

Лотман и Успенский, 1975 — Л о т м а н Ю., У с п е н с к и й Б. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1975. Вып. 358. (Труды по русской и славянской филологии, № 24.)

⁹ Вместе с тем Ломоносов пользуется прилагательным *Rossicus*, когда говорит о языке русских летописей (*Chroniconum Rossicorum dictio*). Русские летописи оказываются при этом в том же семантическом ряду, что и *Правда Русская*, с которой они объединяются по языку: они соотносятся в данном случае с этносом, а не с государством. Ср. дифференциацию прилагательных *русский* и *российский* в употреблении В. К. Тредиаковского (см.: [Успенский, 1985, с. 97, примеч. 57])

Сухомлинов, I—V — Сочинения М. В. Ломоносова / С объяснит. примеч. М. И. Сухомлинова. СПб., 1891—1902. Т. 1—5.

Успенский, 1983 — Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Успенский, 1985 — Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века (Языковая программа Карамзина и ее исторические корни). М., 1985.

Хабургаев, 1979 — Хабургаев Г. А. Этнонимия „Повести временных лет“ в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

Хабургаев, 1984 — Хабургаев Г. А. Старославянский—церковнославянский—русский литературный // История русского языка в древнейший период. М., 1984.

Чистович, 1899 — Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Изд. 2-е. СПб., 1899.

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Декабрь 1986

Кафедра русского языка